

12 МАР 1983

Этот образ стал в грузинском театре традицией и легендой одновременно. Потому не просто выйти актеру сегодня на тбилисскую сцену в роли знаменитого мавра: он неизбежно вступит в творческий поединок с прославленными предшественниками — Александром Имедашвили, Акакием Хоравой. И вот недавняя премьера Академического театра имени Котэ Марджанишвили представила нам нового Отелло — О. Мегвинетуцеси. Спектакль в постановке Т. Чхеидзе привлек внимание и вызвал много споров. О работе над ролью, о своем отношении к шекспировскому герою О. МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ рассказывает нашему корреспонденту.

Когда Т. Чхеидзе предложил мне сыграть Отелло, я, признаться, растерялся: может, вообще отказаться от роли, ведь предстоит вступить в творческое соревнование с актерами, имеющими мировое признание? И вот, окончившись в сложнейшую работу, я старался начисто забыть все прочитанное, увиденное, чтобы почувствовать своего героя в первозданности. Задача, надо сказать, невероятно трудная.

Режиссер предложил нам создать спектакль-воспоминание. Воспоминание Отелло о жизни, любви, предательстве, о взлетах и падениях личности. Так возник пролог спектакля — действие начинается с конца пьесы. Дездемона уже мертва, и скванного кандалами Отелло бросают

МОЙ ОТЕЛЛО

в темницу. Тут и вспоминает герой всю историю своего возвышения и падения, анализирует ошибки и сомнения, весь комплекс причин, убивших мечту.

Режиссер намеренно «сжал» пьесу до трех актов, усилив диалоги, подчеркнув взаимосплетение отношений всех действующих лиц. Из спектакля ушли все внешние аксессуары — яркость венецианских пейзажей, роскошь парчи и бархата. Более того, он концентрирует внимание лишь на душевных движениях, самых тончайших. Я старался показать, что значила для

моего героя любовь к Дездемоне. Ведь это необычное чувство, по своей силе и глубине это явление. А тот, кто убивает такую любовь (в данном случае Яго), убивает явление, убивает личность, стремясь к нивелировке, к девальвации любых талантливых человеческих проявлений.

Я подчеркивал в своем мавре не обманутое доверие, не ревность и африканские страсти, не простодушие и прямолинейность солдата, а мысль о необходимости для человека веры, гармонии, утрата которых ведет к нравственной

катастрофе. Теряя веру в любовь, Отелло постепенно теряет и человеческий облик. В его раздвоенной душе торжествует низменное, утрачивается гармония. Задумавшись Дездемону, Отелло долго смотрит на свои руки. В этом взгляде — глубинный намек на бывшие оковы рабства, на слабость мужчины, не сумевшего раскрепоститься и подняться до большой и свободной любви женщины.

В одной из финальных сцен Дездемона (ее великолепно играет М. Джанашиа), волей театра вернувшаяся из небытия, проходит по авансцене, чтобы спасти мужа от подозрений и сказать ему слова любви. Отелло при этом словно вдавливается в стену, окаменев в горе, превратившись в живую фреску страдания. Он берет на руки Дездемону и медленно кружится в страшном танце отчаяния, постигая простую и великую истину — любовь задуть нельзя. После самоубийства Отелло к нему вновь приходит Дездемона, в тонкой руке трепещет свеча. Она, как и прежде, удобно устраивается в кресле. А мавр по-прежнему у ее ног...

...Отелло я играю нечасто. Слишком много душевных и физических сил отбирает жизнь и смерть на сцене. Слишком глубока и трагична эта удивительная роль...

● Народный артист СССР О. Мегвинетуцеси (Отелло) и заслуженная артистка Грузинской ССР М. Джанашиа (Дездемона).

Фото Р. Рухляна.